

УДК 165

ДИСКУРСИВНЫЕ И НЕДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ПОНИМАНИЯ*

Горюнов Алексей Владимирович

канд. филос. наук

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, Ульяновск

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье анализируются недискурсивные формы понимания как когнитивные процедуры. С этой целью автор вводит разграничение понимания и обоснования, рассматривает дискурсивные формы понимания, лежащие в основе формально-логических умозаключений, а также описывается противостояние «аффективной» и «когнитивной» моделей недискурсивных форм понимания в истории философии.

Ключевые слова: понимание; обоснование; смысл; логика; эвристика.

DISCURSIVE AND NON-DISCURSIVE FORMS OF UNDERSTANDING

Goryunov Aleksey Vladimirovich

candidate of philosophy

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov, Ulyanovsk

Abstract. The paper analyzes the non-discursive forms of understanding as a cognitive process. To this end, the author introduces the distinction of understanding and justification, considering the discursive forms of understanding the underlying formal logical reasoning, and describes a confrontation «affective» and «cognitive» models of non-discursive forms of understanding of the history of philosophy.

Key words: understanding; justification; meaning; logic; heuristic.

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы стратегического развития Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Понимание и обоснование. В структуре гуманитарного познания, как и в структуре научного познания вообще, помимо герменевтических процедур, присутствуют ещё и обосновывающие (аргументационные) процедуры. Различие между пониманием и обоснованием в первом приближении можно выразить следующим образом: понимание *продуцирует* новые смыслы, новое знание, а обоснование *проверяет и/или подтверждает* уже имеющиеся знания и смысловые конструкции.

Для разъяснения полезно привести несколько нарочито простых примеров.

Пример 1. Когда в математике мы *решаем* пример (скажем, $2 + 2 = 4$), то перед нами понимающая процедура, а когда мы проверяем его ($4 - 2 = 2$) – обоснование.

Пример 2. В логике понимание представлено рассуждениями от посылок к заключению, то есть умозаключением («Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен»). Обоснованием же называют рассуждения от тезиса к аргументам, то есть подбор аргументов к уже *сформулированному* тезису и демонстрацию того, что тезис логически следует из аргументов («Сократ смертен, поскольку все люди смертны, а Сократ – человек»).

Конечно, в приведённых примерах понимание и обоснование структурно симметричны, а именно – обратно симметричны. В этом и проявляется нарочитая простота этих примеров.

Однако в общем случае ситуация сложнее. Отметим лишь наиболее очевидные сложности:

- понимание и обоснование могут и не иметь структурной симметрии;
- один и тот же познавательный приём может использоваться и для получения нового знания и для его подтверждения;
- более того, в одном и том же познавательном действии могут переплетаться понимающий и обосновывающий компоненты, в том числе, настолько тесно, что их можно разделить лишь постфактум.

Отсюда, мы должны ставить вопрос не о соотношении понимания и объяснения в научном познании (поскольку объяснение – это вид понимания), а вопрос о соотношении понимания и обоснования. Можно высказать осторожное предположение, что каждому виду понимания соответствует определённый вид обоснования, по крайней мере, в принципе: истолкованию – проверка и обоснование истолкования, интерпретации – подтверждение интерпретации, а объяснению – обоснование объяснения.

Исследованием обоснования занимаются логика, теория аргументация и эпистемология. В эпистемологии, в частности, выделяют такие формы обоснования как фальсификация и верификация.

Дискурсивные понимающие процедуры. Понимающие процедуры при всём их многообразии можно разделить на две неравные группы: дискурсивные и недискурсивные.

Дискурсивными по традиции называют процедуры, в которых результат (заключение) *логически следует* из исходных высказываний (посылок). Иными словами, здесь наблюдается поступательность, известная непрерывность в движении мысли, отсутствуют смысловые скачки.

Дискурсивные формы понимания относятся к области компетенции логики. Можно выделить, по меньшей мере, две такие формы – экспликацию (смысла) и экстраполяцию (смысла).

Экспликацией называют выявление неявных смыслов, имплицитно уже содержащихся в некотором тексте. Эта процедура лежит в основе дедукции, полной индукции, математической индукции – тех видов умозаключений, которые называют необходимо-истинностными, или демонстративными. Проще всего это показать на основе дедукции. Как известно, в заключении дедуктивного умозаключения присутствует лишь то, что неявно уже *содержится* в посылках. Поэтому при дедукции мы не создаём новые смыслы, а лишь делаем явными уже имеющиеся. В этом,

вообще говоря, состоит смысл любого *выведения следствий* из теории, концепции, тезиса.

Экстраполяция – это перенесение смыслов с одной (изученной) части явления на другую его часть, или с одного явления на другое, сходное с ним явление. Экстраполяция смысла лежит в основе (неполной) индукции, а также трансдукции, главным образом, в лице аналогии. Одним словом, речь идёт о так называемых правдоподобных рассуждениях, где заключение, даже при условии использования верного правила вывода и истинных посылок, является истинным не с необходимостью, а лишь с определённой степенью вероятности.

По поводу индукции существуют различные точки зрения. Ещё Ф. Бэкон, и несколько позже Дж. Милль квалифицировали индукцию как метод получения нового знания, фактически как логику открытия. В первой половине XX в. эту идею на новой методологической платформе пытались возродить неопозитивисты, опирающиеся на учение о «чувственных данных» Б. Рассела и логический атомизм «раннего» Витгенштейна. Однако после уничтожающей критики программы индуктивизма К. Поппером отношение к индукции на какое-то время вроде бы вновь стало более сдержанным.

Тем не менее, и в настоящее время некоторые исследователи продолжают указывать на эвристический потенциал правдоподобных рассуждений. В частности, Г.И. Рузавин утверждает, что недедуктивные виды умозаключений помогают искать новую информацию и предлагает их называть *эвристическими* [1, с. 10]. Такая позиция тем более удивительна, что сам автор прямо заявляет, что в основе правдоподобных рассуждений лежит экстраполяция. Однако экстраполяция, согласно самой этимологии слова, означает *перенесение* смысла (вовне), а не *образование* новых смыслов. При экстраполяции если и имеет место новация, то лишь на уровне значения (объёма, экстенционала), но не на уровне смысла (интенционала) как такового.

Начнём с индукции. При неполной индукции, исследовав лишь некоторые элементы какого-либо класса, мы делаем заключение об всех элементах этого класса. Так, исследовав некоторые элементы определённого класса и обнаружив у них свойство А, мы (разумеется, при отсутствии фальсифицирующего примера и других необходимых условиях) делаем заключение, что все элементы данного класса обладают свойством А. Как мы видим, при индукции смысл рассуждения (наличие свойства А) не меняется. Поэтому, как и в случае с дедукцией, мы можем сказать, что в заключении мы получаем **СМЫСЛ**, который уже присутствовал в посылках. Правда, в отличие от дедукции здесь произошли некоторые изменения со значением (объёмом) высказываний. Мы перенесли (распространили) исходный смысл с изученной части объектов на все объекта данного класса, с известного на неизвестное. Но именно это и сделало наше заключение не достоверным, а лишь правдоподобным.

То же мы наблюдаем при аналогии, когда, обнаружив сходство двух объектов в некоторых признаках, мы предполагаем, что они сходны и в других признаках. Например, «объект А имеет признаки а, b, с, d; объект В имеет признаки а, b, с; вероятно, объект В также обладает и признаком d». И вновь мы видим, что смысл заключения (переносимый признак d) уже присутствует в посылках, а вся «новизна» состоит лишь в его распространении на другой объект. Наконец, и в статистических умозаключениях мы наблюдаем экстраполяцию смысла с выборки на генеральную совокупность.

Помимо сказанного, процедуру, которая лежит в основе так называемых индуктивных методов определения причинных связей Бэкона-Милля, мы будем называть *интерполяцией смысла*, в связи с некоторым, пусть и поверхностным, сходством с соответствующей математической процедурой. В математике интерполяцией называют, как известно, нахождение неизвестной величины, находящейся между двумя или бо-

лее известными величинами, т.е. по сути, нахождение значения в заранее известном интервале. Нечто похожее происходит и при применении методов Бэкона-Милля. В посылках таких рассуждения дан перечень условий, сопутствующих некоторому явлению, а в заключении одно из этих условий объявляется «причиной» или «детерминантом» объясняемого явления. Следовательно, мы лишь выбираем «причину» из *заранее известного* перечня условий. Основания такого выбора зависят от конкретного метода. Скажем, при использовании метода сходства мы объявляем причиной единственное условие, которое во всех рассмотренных нами случаях сопутствует появлению объясняемому явлению. При методе «причиной» объявляется условие, изменение которого приводит к изменению изучаемого явления и т.д. Таким образом, в методах Бэкона-Милля знание о «причине» некоторого явления выводится из *уже имеющегося в посылках* знания о сопутствующих условиях данного явления, что указывает на дискурсивный характер этой процедуры.

Как возможно недискурсивное понимание. Итак, дискурсивные формы понимания лишь делают явными смыслы, уже содержащиеся в имеющемся у нас знании и/или переносят его на новые объекты (группы объектов) мысли. Недискурсивными (эвристическими) называют понимающие процедуры, в которых происходит прерывание непрерывности, смысловой скачок, в результате чего возникает подлинно новое смысловое содержание. Поэтому в таких процедурах результат (новое знание, новые смыслы) не может быть поступательно выведен из предшествующего знания. Отсюда, если дискурсивное понимание выявляет или конструирует смыслы, которые являются новыми лишь «для нас», то недискурсивные формы понимания создают новые смыслы «в-себе».

Но могут ли существовать недискурсивные формы понимания, основанные на прерывании непрерывности и поступательности наших рассуждений, предполагающие «смысловой скачок»? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Долгое время в философии науки господствовал индуктивизм, согласно которому теории и научные законы выводятся из «фактов» логически поступательным способом, а именно посредством индукции. Однако в середине XX в. широкую популярность приобрёл антииндуктивизм К. Поппера, согласно которому логически поступательного выведение теории, гипотезы из эмпирического материала невозможно. По его представлениям, логическому исследованию подлежит только процесс проверки, обоснования новой идеи, а процесс её выдвижения может быть интересен только для «эмпирической психологии». Иными словами, сначала необходимо сформулировать некоторое высказывание (идею) и лишь затем она становится доступной проверке [2, с. 50-52 и сл.]. Во многом именно с подачи К. Поппера в научных кругах распространилось мнение, будто бы вопросы получения нового знания, в особенности, теоретического, могут рассматриваться лишь с позиций *психологии* открытия, а логики открытия нет и быть не может.

Однако эта позиция и верна и неверна одновременно, хотя и в разных отношениях. Здесь верно то, что теории не могут быть выведены посредством дискурсивных, логически поступательных процедур ни из опыта, ни из уже имеющегося у нас знания, и, следовательно, механизм формулировки новых теорий может быть только недискурсивным. Вместе с тем, когда говорят о психологии открытия, а также о психологизме как методологической основе гуманитарных наук, то обычно подразумевают интерпретацию соответствующих мыслительных актов в терминах аффектов, переживаний, интуиции. С таким подходом, однако, нельзя согласиться: недискурсивные механизмы порождения смыслов также имеют *когнитивную*, а не аффективную природу. Это означает, что даже недискурсивные формы понимания основаны на процессах получения, переработки и хранения знаний, а не на процессах переживаний, эмоций и т.д., хотя последние (переживания, эмоции), безусловно, сопровождают все мыслительные акты.

Противостояние, условно говоря, «аффективной» и «когнитивной» парадигм в трактовке процедуры понимания восходит к времени зарождения философской герменевтики, то есть ко второй половине XIX в. Вместе с появлением герменевтики возникла и аффективная («психологическая») трактовка понимания

Когда понимание рассматривают как психологическую категорию, то имеют в виду, что оно (понимание) является не актом мышления, а актом **переживания** (связанным с эмоциями, страстями, желаниями и т.д.). Такова, например, позиция В. Дильтея, который считал понимание психологическим актом вживания (вчувствования, эмпатии), основанным на совокупности всех душевных способностей человека. Наиболее настойчивыми критиками В. Дильтея были неокантианцы Баденской школы и идейно близкий к ним М. Вебер. По мнению Г. Риккерта, смысл образуется тогда, когда мы ставим объект или действие субъекта в определённое отношение к ценности. Ещё точнее, смысл отображает то **значение для ценности**, которое имеет данный объект или субъективный акт. По этому поводу мыслитель пишет: «Только исходя из ценностей можно проникнуть в смысл субъекта и его актов» [3, с. 477]. При этом мыслитель признаёт, что смысл находит своё выражение в наших суждениях и что такие суждения сопровождаются психическим процессом – переживанием. Однако сам смысл, считает Г. Риккерт, является ирреальным образованием, по отношению к которому чувственно-психическое выступает только как носитель, никак не влияя на «содержание» смысла. Чувственно-психическое само по себе, как таковое, смысла не имеет – смысл вносится в него извне. То же можно сказать и о формах внешнего выражения смысла – устной и письменной речи. Поэтому хотя чувственное и дано нам непосредственно, но оно «непонятно» по своей сущности; понять можно только то, что имеет смысл. Постижения смысла, таким образом, является для Г. Риккерта интеллекту-

альной процедурой, а не психическим в своей основе актом переживания [3, с. 474-476; 4, с. 53].

Для М. Вебера процедура понимания носит также является интеллектуальной, а не психологической. Понять человеческое действие, по словам философа, значит, обнаружить тот субъективно подразумеваемый смысл, который связывает с этим действием сам действующий индивид. В развитие своих идей М. Вебер создаёт свою знаменитую идеальную модель целерационального действия, то есть действия протекание которого полностью обусловлено субъективно подразумеваемым смыслом (целью). Для анализа такого действия, считает мыслитель, нет необходимости прибегать к услугам психологии. Сам процесс смыслополагания (постановки цели), как уже говорилось, не может быть выведен из анализа тех психических процессов, которые являются его «носителями». Правда, связь между целью и выбираемыми для её реализации средствами опосредуется психологией индивида, однако чем ближе действие к целерациональной модели, тем меньшее значение, по мнению М. Вебера, имеет психическое для связи цели и средств и тем «чище», рациональнее такая связь [5, с. 495-506; 4, с. 50-52, 55-61].

Полное освобождение процедуры понимания от психологизма осуществил Р.Дж. Коллингвуд. всей душевной жизни людей, то Р.Дж. Коллингвуд внутренней стороной истории считает рациональность, то есть мысли в отличие от ощущений и эмоций или, как говорит сам мыслитель, **дух в отличие от души**. «Непосредственное как таковое – подчёркивает исследователь – не может быть воспроизведено. Следовательно, те элементы опыта, бытие которых как раз и заключается в их непосредственности (ощущения, чувства и т.д. как таковые), не могут быть воспроизведены [6, с. 284]. Итак, воспроизведению, с точки зрения Р.Дж. Коллингвуда, подлежат только мысли или, точнее, содержание мыслей. Это становится возможным благодаря тому, что мысль является одновременно и объективной и субъективной. Именно объективная

составляющая мыслей – а именно их смысловое наполнение – и подлежит воспроизведению. В силу своей непосредственности и «чистой» субъективности переживание не способно стать объектом самого себя – невозможно переживание о переживании, ощущение об ощущении и т.д. В противовес этому, мысль, заключая в себе объективный и опосредованный момент, – своё смысловое наполнение – обладает способностью быть объектом самого себя. Благодаря этому и становится возможной мысль о мысли (равно как и мысль о переживании, мысль об ощущении и т.д.), поскольку её смысловое содержание (в отличие от её непосредственной формы) может отчуждаться от первоначального контекста и воспроизводится в другом контексте. При этом Р.Дж. Коллингвуд имеет в виду не только психологический контекст, то есть сопровождающие мыслительный акт эмоции и переживания, но и смысловой контекст, то есть совокупность мыслей «сопровождающих» данную мысль. Конкретное смысловое содержание, по мнению учёного, может существовать в различных смысловых контекстах, оставаясь одним и тем же [6, с. 287-288].

Появление когнитологии лишь усилило эту тенденцию. Было осознано, что не только собственно мышление, но и ряд других психических процессов не являются чисто «переживательными», но имеют ещё и когнитивную составляющую, где «когнитивное» можно понимать как «относящееся к знанию, познанию» или как «связанное с получением, переработкой и использованием информации». Это, на наш взгляд, обосновывает возможность недискурсивных понимающих (и – шире – познавательных) процедур. Таковыми можно считать процедуры, имеющие когнитивную природу, но не являющихся дискурсивными. Они состоят в переходе от одних структурных единиц знания к другим, но при этом не логически поступательным способом, а посредством резких смысловых скачков, нарушающих непрерывность рассуждения. Это также означает, что в результате таких процедур появляется действительно новое

смысловое содержание; содержание, которого не было в предшествующих знаниях; новое не только для нас, но и в себе.

Таким образом, недискурсивные механизмы порождения смыслов также имеют *когнитивную, хотя и не логическую, природу*.

Здесь есть одна терминологическая тонкость. Когнитология, правда, первоначально возникла в рамках психологии, и лишь со временем стала широким междисциплинарным направлением исследования. Однако это **не** означает, что когнитивные механизмы являются чисто психологическими.

На роль недискурсивных (эвристических) процедур в познании и понимании выдвигаются в качестве претендентов различные методы и процедуры. Перечислим лишь наиболее известные из них:

- 1) абдукция как метод поиска объяснительных гипотез, предложенный ещё Ч. Пирсом;
- 2) так называемая аналитическая индукция как метод формирования социологической концепции на основе фактических данных, выдвинутой американскими социологами;
- 3) так называемая диалектическая логика и близкие проекты синергетического (нелинейного) мышления.

Список использованных источников

1. Теория и практика аргументации / отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН, 2001. 182 с.
2. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
3. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Изд-во «Ника-Центр», 1998. 512 с.
4. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
5. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
6. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.